

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 22. СТИХИ.

СОКОЛОВ ВЛАДИМИР

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

. Родился 18 апреля 1928 года в г. Лихославль Тверской обл. Первые стихи были написаны Владимиром Соколовым в возрасте 8 лет. В старших классах Соколов с другом Давидом Ланге издает несколько рукописных журналов — «XX век» (1944) и «На заре» (1946). В 1947 году Соколов принят (окончил в 1952) в [Литературный институт](#), семинар поэта [Василия Казина](#). Первая книга, которую Соколов хотел назвать «Крылья», вышла в 1953 году под заглавием «Утро в пути».

В 1960 году вышла книга «Стихи из [Болгарии](#)». Многие стихотворения Соколова посвящены тверской земле «На станции» (1950), «Вечер на Родине» (1951), «Окраина» (1953), «Звезда полей» (1963), «Лучшие годы я прожил» (1972), «Еще гудели где-то паровозы» (1984). Соколов кавалер [ордена Кирилла и Мефодия](#) (Болгария, 1977), лауреат [Государственной премии СССР](#) (1983), [Международной премии имени Н. Вапцарова](#) (1989), первый лауреат [Государственной премии России им. А. С. Пушкина](#) (1995), [Международной Лермонтовской премии](#) (1996), награжден многими государственными наградами СССР и Российской Федерации.

Умер 24 января 1997 года. Похоронен на [Новокунцевском кладбище](#) в Москве.

ЯНВАРСКИЙ СЛОВАРЬ

Припорошит, а не припорошит,
Заворожит, а не заморозит.
Сяду-ка я на дерево-лошадь
И поскачу в настоящий словарь.

Сбросит она меня в раннюю тень,
Если хлестну удареньем не тем.
Запорошит меня, не запорошит
Русского леса словарь, как январь.

Не отняла, я скажу, а отняла,
Не забрала, я скажу, а забрала, -
Начала, вымолвлю, не начала, -
Сбросит меня, закусив удила.

Но воротится, а я прошепчу:
- Я ведь шучу с тобой и не шучу.
Не заноси надо мною копыта -
В сердце ударь, а оно не убито.

В сердце ударь (мой язык - государь),
Вечного русского леса словарь.
Ведь ударенья иного промашка
В слове как пуля, засевшая тяжко.

Не заноси надо мною копыта -
В сердце ударь - и оно не разбито!
Ведь зацветет под ударом ромашка,
Горькая рожь и медовая кашка.

Дерево-лошадь, неси меня вдаль,
Где кочевал незабывчивый Даль.
Лишь потому - что словам и деревьям
Надобно жить под своим удареньем,
А ударенье как прикосновение -
Нежное, верное, не без смиренья...

Время, уходящее в пространство,
Оглянулось. Я бежал за ним
И не успевал. Оно прекрасно
Понимало, что я им гоним.

Но по взгляду часа или мига,
Страшному, прекрасному, - из мира,
Где не существует языка, -
Я внезапно понял, почему
Так драгоценна речь...

ПЕЙЗАЖ С ДОРОГОЙ

Интеллигентной милой недотрогой
Сидела б дома возле мамы строгой,
Задумав свой лесной пейзаж с дорогой.
Он целый год туманился во мне.
И в тишине. И в шуме. И во сне.
Я рассказал - мы тут как тут. С треногой.
Знай черный ворон каркает в лесу.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Поскольку плохо, видимо, воспитан.
Сосну заденет, мглой веков пропитан, -
Сосна роняет иглы и росу.
Огромный бор. Он нынче свеж и темен.
Поскольку ливень тоже был огромен,
Как ворон древен и как голубь чист.
А ты, мое любимое созданье,
Уже бежишь, не приходя в сознанье,
Когда к тебе осина тянет лист.
Стой, у рябины - ягоды в горсти.
Возьми. Знакомых дома угости.
Черт надоумил взять тебя с собой.
Да. Я влюблен в свою же ученицу.
И даже - хоть сейчас - готов жениться...
Какой, однако, все же разнбой.
Столбы лучей сияют меж стволами.
Взлетает ворон, каркая над нами
Уже по-иностранному почти.
На «невермор» от злости переходит.
От черных крыл вершины так и ходят.
А ты дрожишь. Тебя волнение сводит.
Я понимаю, бог тебя прости.
Ты говоришь: а где ж пейзаж с дорогой?
Вот это все и есть пейзаж с дорогой.
А впрочем, там, за выселкой убогой,
Есть электричка... Клумбы. И пути.
Я повторяю: вот пейзаж с дорогой.
Гуляй. Но красок масляных не трогай.

Ширяет черный ворон над треногой
В художническом пристальном лесу.
Он чует запах, душами пропитан.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Качнет сосной, поскольку так воспитан, -
Сосна уронит иглы и росу.
счастлива, я знаю.
Смотри, как тянет просека лесная.
Ее считать дорогою - не след.
Вернусь сюда один. На склон пологий.
Под шум вершин. Я не собьюсь с дороги.
Я не скажу тебе, что весь секрет
В том, что дороги не было и нет.
Она пройдет сквозь строй стволов - в итоге.
Просветом. Птицей... Мало ли примет?

УКАЗ ПЕТРА

Незаконнорожденных записывать в художники.

Петр I

Забавна эта мысль Петра.
Но сколь мудра и величава,
Пронзающая до нутра,
Смешная с первого начала.
Мне интересен лик его
В тот миг, когда он быстро взвесил
Все «да» и «нет» до одного.
Он был тогда угрюм иль весел?
Он, может, так захохотал,
Что терем колоколом грянул,
А может быть, чертеж скатал
В трубу подзорную и глянул?
И увидал, как на страду, -
По всем колдобинам России,
С холстом и кистью не в ладу,
Идут внебрачноприжитые.
И, маясь дивною судьбой,
Находят лад, и знаменито
Всея неприкаянной гурьбой
Грехи отмаливают чьи-то.
Пусть в нас иной, несхожий пыл
Великой волею заронен,
Нам надо помнить, как он был,
Художник русский, узаконен.

Как будто Бог мне белый хлеб крошит,
Но и к нему летит другая птица.

Теперь, когда так много было
И не было, со мной одни
Несостоявшиеся дни.
Такая выпала погода:
Не состоялось время года.
Не состоялось время дня.
Не состоялось у меня
Сорокалетье в лихолетье.
“Нет, хуже! — каркает сосна. —
Не состоялись Времена...”
К ней прислоняюсь. И рукой
Сухие прикрываю веки...
В лесу устойчивый покой
И воздух, как в библиотеке.

Под деревом ночным, шумящим,
Под ветром и дождем не сильным —
Себя запомнить заносащим
В блокнот карандашом чернильным
И шум листвы, и эту осень
Войны, и это ощущение,
Что сам себя в блокнот заносит
Дождь, не имеющий значенья.
Под деревом ночным, шумящим
Не понимать — какое чудо
Быть настоящим, уходящим
Невесть куда, как весть отсюда.
Но и не уходить, а, слезы
Сдержав мальчишески жестоко,
Сидеть, не изменяя позы,
И видеть, как шумит широко
Дождь, принимающий участие
В стихах, чтоб дольше сохранились,
Чтоб эти буквы, хоть отчасти,
Полиловели и расплылись.
Под деревом ночным, шумящим...
Под деревом ночным, шумящим...
О, под дождем, так бившим гулко
По ржавым крышам переулка!

Я в ужасе бегу от жизни
И тихо возвращаюсь к ней.
На цыпочках. Из-за угла
Выглядываю: как там, слизни
Еще ползут стезей своей?
Все так же ль бабочку игла
Подкарауливает тонко?
Иль махаон подобно мне,
С глазами умного ребенка,
Листа шершавую изнанку
Предпочитая спозаранку,
Застыл в тени и в тишине?
А над лужайкой виснет чад.
И ветки так растрепыхались,
Как будто множеством зеркалец
Играют дети и молчат.
И все мерещится мне палец
У чьих-то губ... Они кричат?
Я в ужасе бегу от жизни.
И странно мне, что я живой,
Что мертвый тополь в укоризне
Еще качает головой.

Есть обманчиво-родные лица
У мужчин и женщин.
Так легко бывает ошибиться
И ходить — увечным.
У славянок, или у евреек,
Или у грузинок
Лик такой узрев, я, холодея,
Шаг смирял, как инок.
Ведь уже обжегся я, тоскуя
После дни и ночи...
Но опять любил я эти скулы,
Эти рты и очи.
Боже, Боже, неужели это
Лишь пустая схожесть?
Или все мы в чем-то, как-то, где-то...
Хлопья тают, множась...

Есть обманчиво-родные лица
У мужчин и женщин.
Так легко бывает ошибиться
И ходить — увечным.

Как будто вымерла квартира,
Такая пустота в ней.
Лишь за окном, где темь да сырость,
Играет ветер ставней.
Лишь тишина сверчка наладит,
Одна на кухне всхлипнет,
На стул со стула пересядет
Да половицей скрипнет.
Да на рояль наложит руки,
Струну задев на ощупь...
Полна печали, страсти, муки
Свободная жилплощадь.

Как перед тайным побегом
Из дому в дебри Москвы —
Чуть приглушенная снегом
Нота густой синевы.
Начата сильным ударом
Колокола (или нет?),
Длится над городом старым
И вызывает ответ...
В лужах пора отражаться,
В стеклах квадратов и дуг,
Слыша, как хлопья ложатся
На продолжительный звук.
Эта ограда не помнит
Всех, но как чадо ничье,
Даже не выйдя из комнат,
Я уже возле нее.

Я мечтаю до сладостной муки,
Пробуждающей ночью меня,
О тетради, свалившейся в руки
Из еще недоступного дня.

Чтобы в комнате, как в одиночке,
Белый лист подержать над огнем
И увидеть, как дивные строчки
Желтовато проступят на нем.

Не зовите меня, Бога ради,
Я не с вами сейчас, я нигде.
Я мечтаю о чистой тетради
И всю ночь говорящем дожде.

...Птица малая лесная...
Пушкин

Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.
На краю бузинного оврага
Стой и не дыши.
Сквозь туман просвечивает зелень,
Клейкая пока.
Где-то здесь, среди ее расселин,
Он наверняка.
Вот! Ни с чем, конечно, не сравнимый
Сколок с пеня льдин.
Первый, пробный, но неоспоримый.
Вот еще один.
Вот опять! Раскатисто и тесно.
Тишь... В листьях куста
Происходит перемена места -
Веточка не та.
И покуда тишь не раскололась
Льдиною на льду.
Есть во всем
Извечный жаркий голое:
"Что же ты, я жду!"
Замиранье целого оврага,
Листьев и души.
Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

Мне не может никто и не должен помочь,
Это ты понимаешь сама.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Потому что - декабрь и зима.

Это скрип одиноких шагов в темноте.
Это снег потянулся на свет.
Это мысль о тебе на случайном листе
Оставляет нечаянный след.

А была у тебя очень белая прядь,
Потому что был холод не скуп.
Но она, потеплев, стала прежней опять
От моих прикоснувшихся губ.

Ты шагнула в квадратную бездну ворот.
Все слова унеслись за тобой.
И не смог обратиться я в тающий лед,
В серый сумрак и снег голубой.

Я забыл, что слова, те, что могут помочь,-
Наивысшая грань немоты.
Это ранняя рань, это поздняя ночь,
Это улицы, это не ты.

Это гром, но и тишь, это свет, но и мгла.
Это мука стиха моего.
Я хочу, чтобы ты в это время спала
И не знала о том ничего.

Ты камнем упала, я умер под ним.
Ты миг умирала, я - долгие дни.
Я все хоронил, хоронил; хороним
Другими - меня выносили они.

За выносом тела шел вынос души.
Душа не хотела, совала гроши.
А много ли может такая душа,
Когда и у тела уже ни гроша?

Однако могильщики - ну и народ,
Умелые руки, большой оборот.

И знаешь, как просят подумать о них:
Работать на пару, а пить на троих.

И знаешь, как шутят, дыша в кулаки, -
Метро наменяло на всех пятаки. ...
Там желтая глина, там воздух сырой.
Там люди сговорчивей между собой...

Кто звезды попутал, кто карты смешал?
Кто боженьке в ухо чего надышал?
Я что-то не помню - за что бы с меня -
Дарованной ночи, дареного дня.

Уж так ли высоко на свете я жил,
Что Бог мне на душу тебя положил?
И так ли остался, в таком я долгу,
Что сам до земли долететь не могу?

ФЕВРАЛЬ

Даже в самой наполненной строчке
Безвоздушные паузы есть.
Не могу из своей оболочки
Выйти так, чтобы без проволочки
От возвышенной буквы до точки
Вы могли меня сразу прочесть.

Как предвестие бедных седин,
Но с намеком, что все несерьезно,
Иней выбелил белоберезно
Все деревья, глядевшие розно,
Все скамейки, где мы не сидим.
Он исчезнет, и не уследим...

Лишь бы в небо не канули с ним
Те скамьи и деревья виденьем,
Всем пушистым своим загляденьем,
Полуоблачным, полужемным.

Потому и боимся войти
В сферу этого белого сада.
Потому что нам больше не надо,
Потому что мы тоже - почти.
От любви, как от недоедания,

Полегчали мы в эти свиданья.
Так что сад, отлетев, как дыханье,
Может чудом и нас унести.

От зимы, приключившейся за ночь,
Я узнал ни с того ни с сего,
Что мучительней, чем несказанность,
Я не знал на земле ничего.

Слышу четких пушинок паденье
С воспаривших и замерших куп.
Это кленов и лип наважденья,
Воплощенные в иней виденья.
Это легкое стихотворенье,
Как душа, отлетает от губ.

Я снова юность повторяю,
уроки давние твержу.
Приобретенное теряю,
Потерянное нахожу.
Теряю старости начатки,
Пустой иронии смешки.
Теряю теплые перчатки
И костяные мундштуки.
И шапка, видимо, по Сеньке.
Со лба откидывая прядь,
Теряю сон. Теряю деньги,
Хоть их не стоило б терять.
Пропажи эти не зловещи.
Мой день каникулам подстать...
А нахожу... О, эти вещи,
Их не купить и не достать.

На влажные планки ограды
Упав, золотые шары
Снопом намокают, не рады
Началу осенней поры.

- Ты любишь ли эту погоду,
Когда моросит, моросит

И желтое око на воду
Фонарь из-за веток косит?

- Люблю. Что, как в юности бредим,
Что дождиком пахнет пальто.
Люблю. Но уедем, уедем
Туда, где не знает никто.

И долго еще у забора,
Где каплют секунды в ушат,
Обрывки того разговора,
Как листья, шуршат и шуршат.

Когда стреляют в воздух на дуэли,
Отнюдь в обидах небо не винят.
Но и не значит это, что на деле
Один из двух признал, что виноват.

И удивив чужого секунданта,
И напугав беспечно своего,
Он, видя губы бледные Баранта,
Пугнул ворон. И больше ничего.

Ведь еще ночью, путаясь в постели,
Терзая лоб бессонной маемой,
Он видел всю бесцельность этой цели,
Как всю недостижимость главной, той.

Заискиванье? Страх? Ни в коем разе.
И что ему до этого юнца!
Уж он сумел бы вбить ему в межглазье
Крутую каплю царского свинца.

Машук оплыл - туман в округе.
Остыли строки, стаял дым.
А он молчал почти в испуге
Перед спокойствием своим.

В который раз стихотворенье
По швам от страсти не рвалось.

Он думал: это постаренье!
А это зрелостью звалось.

Так вновь сдавалось вдохновенье
На милость разума его.
Он думал: это охлажденье.
А это было мастерство.

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной... Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени -
Султаны, туманы, дымки.
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во мгле.

Не торопись. Погоди. Обожди.
Скоро пойдут проливные дожди.

Не говори мне того, что я сам
Скоро узнаю по чьим-то глазам.

Не торопись. Помолчи. Погоди,
Ведь у меня еще все впереди.

Тают дороги. Ломаются льды.
Дай постоять на пороге беды.

Упаси меня от серебра
И от золота свыше заслуги.
И не знал и не знаю добра
Драгоценнее ливня и вьюги.

Им не надо, чтоб был я иной,
Чтоб иначе глядел год от года.
Дай своей померцать сединой
Посреди золотого народа.

Это страшно - всю жизнь ускользать,
Уходить, убежать от ответа.
Быть единственным, а написать
Совершенно другого поэта.

Я забыл свою первую строчку.
А была она так хороша,
Что, как взрослый на первую дочку,
Я смотрел на нее не дыша.

Луч по кляксам, как по чечевицам,
Колыхался. И млело в груди.
Я единственным был очевидцем
Посвященья. Тот миг позади.

Но донине всей кровью - в рассрочку
За свое посвященье плачу.
Я забыл свою первую строчку.
А последней я знать не хочу.

Листья прыгают, как лягушата,
Через стежку туда и сюда.
Только миг! Через край из ушата
Дождевая польется вода.

Только ветер еще, а не туча.
Только облако в пятнах сырых.
Но малинник уже взбаламучен,
А ведь был удивительно тих.

Может быть, с этим ливнем осенним
Что-то с сердца и схлынет у нас.
...Я могу с небывалым уменьем
Рассказать все, что будет сейчас...

Прекращаются вздохи и всхлипы,
И спокойно несет водосток

Опрометчиво сорванный с липы,
Словно яблоко круглый, листок.

Но бумажному, влажному змею
Улыбаясь, как дети лучу,
Я опять ничего не умею
И уметь ничего не хочу.

Снега белый карандаш обрисовывает зданья...
Я бы в старый домик ваш прибежал без опоздания,
Я б пришел тебе помочь по путям трамвайных линий.
Но опять рисует ночь черным углем белый иней...
У тебя же все они, полудетские печали.
Погоди, повремени, наша жизнь еще в начале.
Пусть уходит мой трамвай! Обращая к ночи зренью,
Я шепчу беззвучно: "Дай позаимствовать уменье.
Глазом, сердцем весь приник...
Помоги мне в миг бесплодный.
Я последний ученик в мастерской твоей холодной".

Гербарий сырых тротуаров,
Легчайшие в мире шаги.
Как самый цветной из пожаров
Волненье листочной пурги.
Березы, акации, клены
Даруют листы, как цветы,
Душе молодой и влюбленной,
Такой же красивой, как ты.
В сплетенье кругов и полосок,
И звезд, рыжеватых на цвет,
Весенний летит отголосок:
"Ты любишь меня или нет?"
И, не дожидаясь ответа,
Под ветром большой синевы
Твой зонтик лимонного цвета
Уносится в вихре листвы.

Сырые будни. Осени задворки.
Конец уборки. Теплых дней закат.
Прочтен сентябрь от корки и до корки,
И октябрем продолжен листопад.

Как осторожен ход трамваев тяжкий!
И есть у листьев, брошенных в полет,
Порывы вьюг, февральские замашки,
И в звоне веток чувствуется лед.

Пройдись по саду тихими шагами.
Следы июня отыскать сумей.
Лишь в проводах запутался на память
Клочком каникул длиннохвостый змей.

А сад стоит, как будто опечалась,
Кусты сухие низко наклоня,
И не понять, куда они умчались,
Шаги и крики, смех и беготня.

Мерцает первый иней в черных ветках,
А ученицы и ученики
На сборах шумно спорят об отметках
И срочно отдают точить коньки.

Это просто вечер был такой.
Облаков безветренный покой.

И такая мирная земля,
И такие тихие поля,

Что и осень, листьями рябя,
Шелестел не вслух, а про себя.

И когда прощалась ты со мной,
Ты сказала: "Не грусти, родной.

Это просто вечер был такой,
Что прошлись тропинкой мы одной,

Это просто вечер был такой,
Чья-то песня в поле за рекой.
Тишь была. Черемуха цвела.
Над землею радуга плыла".

Из переулка сразу в сон
Особняков, в роман старинный

И к тишине на именины,
Где каждый снами угощен.

Из переулка сразу в тишь
Еще торжественней и глубже,
Где тает лист, где блещут лужи,
Где каплет с порыжелых крыш...

Я никогда не забывал
О том, что ты меня любила,
Но все, что здесь когда-то было,
Все, что нам флюгер напевал,

Я иначе именовал,
Усталый, пыльный и вокзальный,
Когда ты с нежностью печальной
Приблизилась: ты опоздал.

Из переулка - сразу в путь.
Твой переулок слишком дорог,
В нем темных лип столетний шорох
Все так же просит: не забудь.

Мы жили здесь без гроз, без слез,
Средь ветхих стен - на слух, на ощупь.
Однажды вышли мы на площадь,
Нас ветер в стороны разнес.

Какие, к черту, могут быть дела,
Когда весна в окно стучится?!
И в сердце, выжженном дотла,
Жизнь начинает шевелиться.

Когда весны размерный шаг
Я в дуновенье ветра слышу,
Мне даже злейший враг – не враг:
Пускай живет – я не обижу!

Когда весенний бурый снег
Ручьем по улице струится,

Будь счастлив каждый человек:
Из теплых стран вернулись птицы.

А солнце вешнее слепит
И всё кричит: «Весна пришла!»
И мечется душа, летит...
Какие, к черту, могут быть дела!

Всадник судьбы

Недавно еще «Молодой человек»
Ко мне обращались люди.
И всадник судьбы укорачивал бег.
Я думал – так вечно будет.

Я жил – душой нараспашку ко всем.
Но был ли я счастлив? – Едва ли ...
Струились года ... Незаметно совсем
По отчеству звать меня стали.

И всадник судьбы торопить стал коня.
Мелькали лица и даты.
А жизнь все пыталась ломать меня:
Болячки, родных утраты.

Но я врагам улыбался назло,
Я их далеко посылал ...
Везде, куда бы ни занесло
Я жил, а не выживал.

Но всадник судьбы перешел в галоп.
Да что он, совсем ошалел?!
Смотри, дорогой, - разобьешь свой лоб –
И все, и уже не у дел.

Я молод душой. Да и сам в седле
Я крепко еще держусь.
Лишь только слегка припорошил тлен,
Лишь только минутная грусть.

И ты коня моего пожалей –
Я жить лишь сейчас начинаю.
Я полон любовью, а с ней
Преград для себя не знаю.

И пусть мне пятый десяток идет
Я мальчикам дам еще форы.
Не глядя войду в любой поворот,
Легко покорю и горы.

Ты только не дай мне с коня упасть.
Мне счастья хватит на век.
И каждый тогда, ко мне обратясь,
Сказал б «Молодой человек».

Чего мне в жизни не хватало? По мотивам стихотворения А. Дольско

Я, в принципе, - везучий малый:
И прикуп – в масть, и мой расклад.
Чего мне в жизни не хватало?
Ума, девчонок иль наград?

Легко и много доставалось –
Судьба благоволила мне.
Я счастлив был. Иль так казалось ...
По крайней мере – на коне.

Чего мне в жизни не хватало? –
Ведь было масло в голове.
За это больше доставалось,
Что, впрочем, тоже не в нове.

Чего мне в жизни не хватало? –
Наград, регалий? – Мишура!
Она прельщает лишь в начале
Вся царедворская игра.

Чего мне в жизни не хватало? –
Загулов, приключений, драк?
Но и от этого устал я –
Скорее бы большой антракт.

Чего мне в жизни не хватало? –
Ведь было всякого – сполна.
Знал женщин я ... И знал не мало ...
Но правит балом сатана.

Попутал бес меня лукавый:
Даже себе порой я лгу,
«Чтоб быть жестоким и неправым» -
Все это через немогу.

Два года скоро как знакомы.
Сначала было все игрой.
Я провожал ее до дома
И в мыслях – ну, ни боже мой.

Едва встречаясь с нею взглядом,
Я свой поспешно отводил
И рассуждал: «Зачем мне надо? –
Нет ни желанья, ни сил».

Шло время – лучший в жизни лекарь.
Увы, не помогло оно:
Зачем припарки человеку,
Когда он безнадежно болен, но

У времени свои уставы ...
А я любовь топтал, таил.
«Как много злости и отравы
Я через сердце пропустил».

Смешней не видел представленья:
Любовью мается мужик –
Раздумья, вечные сомненья ...
Зачем все это мне, скажи?!

Зачем нужны были страданья,
Терзанья, муки, ночь без снов? –
«Как поэтичны оправданья
Измен, соблазнов и грехов».

Но вот весна ворвалась в душу,
Хоть, в общем, шел еще февраль.
И все морали я нарушил,
Но мне ни капельки не жаль.

Мне – лишь она была бы рядом,
Уткнуться в волосов каштан,
Обнять – вот лучшая награда –
Ее девичий нежный стан.

И подчиниться ее власти,
Забиться, к черту все послать.
И слиться с ней в порыве страсти,
И целовать, и целовать

Ладони, плечи, грудь и губы
Так, чтоб кружилась голова.
И знать, что лучшего не будет.
Нам даже не нужны слова.

К чему они? – Ты так их знала,
Но пусть все трубы протрубят:
Чего мне в жизни не хватало,
Я понял: счастья и тебя.

Возвращение к жизни реанимация

Однообразье дней томит меня и душит
Комком, ползущим где-то изнутри,
Кривым когтем мне раздирает душу
И дрелью голову мне хочет просверлить.

А каждый день – в конце или в начале
Ничто мне нового не посулит.
Лишь только резче обнажит отчаянье,
Лишь раны сердца круче посолит.

Непредсказуемо, о жизнь, твое теченье.
Узор судьбы причудлив и ветвист:
Я ввысь летел назад еще мгновенье ...
Вдруг – крах, фиаско! Вдруг – обвалью вниз.

В ту пору, когда дни остановились
И чаша жизни лопнула до дна,
Бог сделал чудо, совершил он милость –
Мне повстречалась девушка одна.

Еще вчера – совсем чужие люди.
Еще вчера – ты мужняя жена.
Потом мне стали сниться ее груди,
Потом я, вообще, лишился сна.

Я просветлел, мудрее стал, сильнее.
Я выбрал – «вверх», я презираю – «вниз»!

Я чувствую ее, я – с нею.
Мой прежний грех растаял – я кристально чист.

Как жаль, когда мы скованы цепями,
И приросли к ним всем живьем,
Я б отдал все! Не отдал б только память,
Где ты, где я, где мы вдвоем.

Ты лишний, третий...

Прошу тебя, моя судьба,
Не торопи коней упряжку.
Конечно, знал, что жизнь – борьба,
И что приходится в ней тяжело.

Но я ж еще почти не жил,
Ведь я Ее вчера лишь встретил.
Зачем же так лететь, скажи.
Ответ один: «Ты лишний, третий».

Но я люблю Ее, поверь.
Люблю сильнее всего на свете.
Не закрывай мне эту дверь.
В ответ звучит: «Ты лишний, третий».

Да мне и так-то не легко:
Супруги у обоих, дети...
Ты мне поставила клеймо,
Оно горит: «Ты лишний, третий».

Добавь еще: «Ведь сорок два,
А в голове – гуляет ветер...»
Я знаю все твои слова,
Твердишь одно: «Ты лишний, третий».

Что скажешь, - знаю наизусть.
Зануда! Я б тебе ответил:
«Плевать на это! Ну и пусть!
Хоть заорись – «ты лишний, третий...»

Запомни, я Ее люблю!
Хоть буду трижды я проклятый.
И мне твой номер ни к чему.
Пусть даже двести тридцать пятый.

Как людям я наивно верил...

Как людям я наивно верил,
Когда мне было двадцать лет.
И в душу открывал всем двери.
Увы, души сегодня нет.

По ней прошлись, как будто стадом:
Всяк норовил там побывать.
Топтались – надо ли не надо:
Чужая – можно наплевать.

Как много было вас, довольных,
Сапог в ней обтеревших свой,
И смаковавших как мне больно,
И удивлявшихся: «Живой?»

Вы дожидались все паденья –
Лежащего за счастье пнуть.
Ах, молодцы! Какое рвенье!
Без этого вам не уснуть.

Приспешники и лизоблюды,
Дерьмом обпившиеся всласть,
Вас поименно помнить буду –
Всех истребил, моя бы власть.

Нет, я не даром вас, ублюдков,
Так ненавидел, как лишь мог.
Чтоб в сне я вам приснился жутком,
Чтоб вам икнулся ваш сапог.

Гиены, по сравненью с вами, - дети,
Младенцы просто: что с них взять.
Ведь вам милей всего на свете
Не укусить, а облизать.

Лижите, милые, лижите!
Я от души жалею вас.
При этом бойтесь и дрожите,
Когда впадаете в экстаз.

Вы душу пополам порвали.
Нет, этого я не прощу!

Вы б содрогнулись, если знали.
Как строго с вас за все взыщу.

Вы б призадумались, конечно
(Ремарка: Если бы могли),
Что я бездушным стал навечно,
Смекнули б, дай вам бог мозги.

Да ладно, делаю поправку
На ваш пытливый светлый ум:
Не там поставили вы ставку,
И я уже давно не юн.

Излишни за меня волненья –
Вам хватит так забот на век:
Представьте только на мгновенье –
Вам мстит бездушный человек.

Какой я настоящий?

Кем только мне не приходилось быть
В других мирах, в иной, минувшей жизни:
Я был известен; всеми был забыт.
Был голоден; был на пиру, на тризне.

Забитым самым был из всех рабов;
Затем у ног моих лежало пять империй.
Я был красавец, как Антей здоров;
Был слабосильным, ликом как у зверя.

Был гладиаторов вождем я, Спартаком,
А после – сам в крови топил восстанья;
То всех спасал я, то цепным был псом.
То самым приближенным, то в изгнание.

Я Архимедом был, талантом, мудрецом;
Потом спесивым был вельможей.
А после – скоморохом и шутом,
И кстати, сумасшедшим был я тоже.

Я даже был однажды палачом.
Совсем бездушным, хмурым и жестоким.
Потом же – лекарем, шаманом и врачом.
Я был компании душой, а после – одиноким.

А как-то записным я дуэлянтom был –
За квартал обходили все задиры.
Гулякой был, отчаянно кутил.
В другой раз – самым робким в мире.

Как в карты я отчаянно играл:
Спускал за ночь, что Ротшильдy не снилось.
Был шулером – каталой из катал.
Потом на паперти просил я милость.

Когда-то был завзятый сердцеед –
Красотки табуном ко мне ломились.
Амурных было на счету побед –
Все б Казановы в мире удавились.

А после был несчастным Сирано.
Писал стихи, а дам пугал обличьем...
Соединилось все, что было мной давно,
Вошло в меня, единственную личность.

И раздирает в стороны меня.
Какой я, всё-таки, на самом деле?!
Я – многоликий Янус: Ева и Змея,
Добро и зло живут в едином теле.

Открой глаза и оглянись

Открой глаза и оглянись.
Не будь наивным и беспечным
И ты поймешь, что наша жизнь
Стремительна и быстротечна.
Открой глаза и оглянись.

Поймешь ты, если не дурак,
Чего в ней так не доставало,
Что было сделано не так,
Что сделано, но слишком мало.
Поймешь ты, если не дурак.

Узнаешь цену ты словам,
Всем завереньям, обещаньям,
Тебе сказанным, иль ты сам
Когда-то молвил при прощанье.
Узнаешь цену ты словам.

Ты разглядишь, кто рядом был
В минуты тягостные жизни.
Кто помогал, кто мимо плыл,
Кто усмехался с укоризной.
Ты разглядишь, кто рядом был.

Поймешь, кто верность сохранил,
Хоть самому бывало туго.
Кто делал, а не говорил,
Кто не запачкал званье «друга».
Поймешь, кто верность сохранил.

И ты почувствуешь, поверь,
От чьей любви ты согревался
И в чьей душе открыта дверь,
Хотя в нее ты не стучался.
И ты почувствуешь, поверь.

Знай, обязательно дойдет,
Что непонятым было прежде:
То, что бывает горьким мед
И бой – без страха и надежды.
Знай, обязательно дойдет.

Пойми и свято сохрани,
Что не бывает жизнь без муки.
Что черными бывают дни:
Есть встречи – значит, есть разлуки.
Пойми и свято сохрани.

И, безусловно же, проймет,
Что, в целом, жизнь – такая малость.
И вскоре, видимо, пройдет.
Так береги, что в ней осталось
И что ещё произойдет.

В море жизни

Мелькали дни, сплетаясь в годы.
Размерный шаг судьбы был тверд.
Удачи были и невзгоды,
Я был унижен, был и горд.

Я жил как все: в своих заботах,
В мечтах, в работе, в суете...
Я был любим, любил кого-то,
Но всё не то было, не те:

Любил не тех, не те любили.
Жизнь, как ручей, струилась прочь...
И мирно по теченью плыл я:
Женился, подрастает дочь...

Я стал спокойней – не грустил,
Когда постигнет неудача.
Я просто по теченью плыл
И не желал я жить иначе.

Но коварный судьбы изгиб
Опрокинул меня и смял.
Захлебнулся я, но не погиб.
Был раздавлен, но всё же встал.

Оглянулся я – пустота...
Глянул в зеркало: я - старик!
Плыл не там я и жизнь не та,
Слишком рано покорно я сник.

Я – мятущийся в море бриг,
Паруса мои ветер вздувает.
В море жизни под чаек крик
Снова якорь я поднимаю,

И стремлюсь, и лечу вперед
К новым далям и к землям новым.
Возвращусь ненадолго в порт
И в поход собираюсь снова.

Не один штормовой обвал
Подминал под собой, измывался.
Обессилен я был, но вставал...
Пусть помятый, но я поднимался.

Были мели, пробоины течи,
Я за всё благодарен судьбе:
За любовь, за случайную встречу,
Но особый поклон – тебе,

Той, что к жизни меня возвратила,
С сердца сбросила мертвый тлен,
Оттолкнула от края могилы,
Помогла подняться с колен.

Я люблю тебя, милая, знай!
И тебе бесконечно верю.
Понял я: Ты – родимый край!
Я – корабль, ты – желанный берег!

Патриотическое по мотивам произведений В. С. Высоцкого

Был понедельник и в мозгах застой.
Я повстречался с Лёхой
И предложил ему: «По сто,
Мол, выпить бы неплохо».

Он посмотрел как на врага,
Потом вздохнул устало:
«Ну, три, конечно, дофига,
Одной – конкретно мало.

С отличьем кончил я мехмат,
Я знаю жизнь и тару,
Да даже бы дегенерат
Сказал: «Братъ надо пару».

Он четко излагает мысль,
Его послушать – песня.
Мы взяли выпить, закусить
Слегка, по ходу пьесы.

Сидели в сквере у моста –
Обычное начало.
Тот гад, он сам же к нам пристал,
Приличный, с виду, малый.

Вторую помню, как сейчас:
Все было славно, точно.
Потом же чёрт попутал нас
И понесло по кочкам...

Он мирно начал разговор,
Культурно, с пониманьем:

«Я, - говорит, - не прокурор
И вы не на дознаньи.

Но мне хотелось б вас спросить,
Чтоб мненье знать сограждан,
Как дальше, чёрт возьми, нам жить
В стране этой продажной.

Европу всю исколесил,
Знаком уклад, обычи...
А здесь жить не хватает сил.
В России этой бычьей.

И если б можно выбирать
Страну и родаков,
Уехал б я, такая мать,
В Париж, и был таков»

Конечно, зря мы завелись –
Его я мордой в грязь.
Ещё бы – он нам про Париж,
Я ж не был, отродясь.

И, как завзятый патриот,
Расправив грудь и плечи,
Кричал: «Да что ты – идиот?!
Париж, он, блин, далече».

И так доходчиво, легко
Я доводил идею:
«Париж, он где-то далеко,
И я его имею».

Во взглядах с ним мы не сошлись –
Он плакал, как ребенок,
Визжал: «Я за него и жизнь
Отдам – люблю с пеленок».

Его я снова осудил
И, в общем, без кокетства
Сказал: «Дурак ты и дебил!
Имел я твое детство.

Ты жизнь не знаешь ни черта,
Хоть, с виду, и пожил!»

Я с пеной объяснял у рта:
«Вот город взять Тагил.

Там зона в зоне, там – крантец
С Демидовых по ныне.
Там похоронены отец
И Мать, живут родные».

Спокон, в целом, был, как слон,
Пока хватало сил:
«Ты, братец, обратись в ООН,
Там скажут про Тагил.

Не уговаривай меня,
Но чушь ты городишь.
Я не прожил бы там и дня.
Имел я твой Париж».

Обидел крепко он меня, -
Как солью да по ране:
«Вся, - говорит, - твоя родня
Живет в Тьму-таракани».

Он зря про Нижний мой Тагил
Сказал: «Я клал конкретно».
Я, в принципе, его не бил,
Я вел себя корректно.

Придурок! Кто его просил
Больную трогать музу?
Да в жизнь такого не простил
Я даже бы французу.

Испортил, гад, весь праздник наш.
Таких я не люблю:
Ну выпей ты своих сто грамм,
Не трогай лишь родню.

Когда домой мы собрались,
Вдруг Лёха попросил:
«Хотя бы раз меня за жизнь
Свози ты в свой Тагил».

Настройчик был – куда к чертям.
Ответил с грустью: «Слышь,

Я улетаю в Амстердам!
Имел я их Париж!»

Я - одинокий волк

Меня загнать хотели в стойло,
Пытались по себе равнять,
Чтоб вместо пить - плескали пойло,
Чтоб вместо есть - бросали жрать.

Но я - другой! Я - не из вашей стаи.
Какая стая?! - Стадо вы, отара и табун.
Мне блеять - горло рвать. Могу лишь хрипло лаять,
А от души - повыть протяжно на луну.

Скулить, лизать - мне против шерсти, гадко.
Противно так же и хвостом вилять.
Просить - в облом, хоть будет и не сладко:
Мне проще - "дать", чем раболепски "взять".

Быть экономным - для меня трагично:
Червонец, стольник, штука?! - Нет проблем.
Про женщин - опущу. Про женщин - очень лично,
Но в массе: есть как суки, есть - совсем.

Я из шеренги серых пятен выпадаю:
На одноклеточных равняться не привык.
Шаблонов ваших, мерок я не знаю
И песен строевых: мне по натуре - крик.

За спины прятаться? - не тех я габаритов.
Способностей нет скрыться, лечь на дно
И, в общем, не сторонник я окопов и укрытий,
А так же отступать - мне тоже запахло.

Мне бить поклон? - уж лучше в морду: в кайф подраться.
Угодничество не переносу на дух.
Привык, когда обходят и косятся.
Мне б промолчать - я посылаю вслух.

Плясать под чью-то дудку - не способен,
Мне прогибаться - просто не в дугу.
Таким уж уродиться бог сподобил.
Жить по холуйски просто не могу.

Я - не ублюдок, я не жлоб и не сволота.
Как кровью по снегу петляет мой курсив
И слышится рефрен: "Я - штучная работа!
Я - одинокий волк! Я - эксклюзив!"

Себя не обманешь

Ты знаешь, мне не до смеха.
Влюбиться?! - Мальчишка! Пацан!
Все бросить бы к черту, уехать,
Чтоб не зализывать ран,

Чтоб резать не по живому,
Чтоб душу потом не рвать.
Как вспомню: страдать... И снова
Метаться, мучаться, ждать...

Но солнцу же не прикажешь:
Давай-ка, назад крути!
И жизни своей не скажешь:
С тобой мне не по пути.

Себя, милый друг, не обманешь -
Судьбы предначертана нить.
А не любить?! Ты знаешь,
Тогда и незачем жить.

Цирковая лошадь

О, так по жизни я устал
кружить как лошадь цирковая...
Найти б какой-нибудь причал...
Мне подошла бы даже свая,

Что б к ней приткнуться, замереть,
Смахнуть соленый пот и слезы,
Где можно впасть в забвенье, в бред,
Забыться напрочь в коматозе.

Я, в общем-то, уже пожил,
Немного в жизни разбираюсь...
Но как влюбился я? - Скажи,

Ответь, зачем мне это все под старость?!

Я поиграл уже в любовь:
Цветочки, вздохи, поцелуи...
Бурлила молодая кровь -
Любил одну, потом другую.

Но я им, в принципе, не врал -
Влюблялся каждый раз впервые:
Я просто про тебя не знал,
Друг другу были мы чужие.

Так завертело колесо,
Что даже перешло в привычку:
Увижу девушку - и все...
Какие, к черту, там приличья.

Гулял, - чтоб с праздником, с душой,
Чтоб развернуться было тесно.
Я счастья, правда, не нашел,
Но, в целом, небезынтересно.

Меня носило по стране,
По городам и закоулкам.
Гулял и пил я всласть, вдвойне,
С размахом - барин на прогулке.

И так несло меня, как челн,
Судьбой от берега отбитый,
Кружило на потеху волн,
На остров бросило забытый.

Я б доживал там мирно дни
В забвении, покрытый тенью.
И о минувшем видел сны:
О праздниках и приключеньях.

Да, все могло бы так и быть.
Я представляю это точно:
Разбитый, всеми я забыт -
Заброшен напрочь, глухо, прочно.

Воспоминаний б стал рабом,
Нуждался б только в самом малом...
Вот здесь-то и подстерегла любовь,

Что где-то глубоко дремала.

Как только жил я без тебя?!
Дни проходили друг без друга...
И если б не свела судьба,
То снова - цирк, и вновь - по кругу

В поту и в мыле, ошалев,
Забыв, что означает "больно",
Но зная, что крики "браво" - блеф,
Я не хочу. С меня - довольно.

Нет! Больше б я уже не смог.
И так мой мир непрочен, зыбок...
"Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок".

Листва

Нет печальней умершей листвы
Облетевшей, никому не нужной.
Дерева ждут следующей весны,
Только ветер лист по паркам кружит...

Только дождик мочит их с утра,
Только дворник их сметает в кучи...
Этот лист уж не узнает никогда
Молодости юной и кипучей.

А когда-то ж был зеленым, молодым
Он встречал на ветках вешние рассветы...
Так и я был молод и любим
И не знал, что осень есть на свете.

Нет страшней несбывшейся мечты.
Столь заветной и такой желанной,
А теперь увядшей, как листы,
А теперь разбитой и обманной...

Весна

Вот и наступила весна
И солнце вернулось с ней.
Почему ж никогда она
Не наступит в жизни моей.

Я ее жду-недождусь,
А в душе - всё ещё осень
Изо дня в день. И пусть -
Я наверстаю после.

У меня ж еще всё впереди,
Я же еще и не жил.
Осень, постой, погоди,
Пора бы уж выпасть снегу.

Пусть заметет, закружит,
Покроет льдом мою душу.
Я, все равно, хочу жить.
Я, все равно, не струшу.

Надо бороться, и льды
Прочь убегут ручьями.
Только бы встретилась ты,
О ком мои сны и мечтанья.

Только б черемух цвет
Пухом покрыл всю землю...
Только любви все нет.
Нет... И не будет, наверно.

Неумолимо время

Неумолимо время – его счет
Стремителен. Пришла пора прощаться.
Мы разойдемся – оно все вперед.
Жаль, время не умеет возвращаться.

А мне вернуть хотя бы день с тобой.
Их было – трудно обсчитаться.
Вернуть надежду и любовь.
Они ж как время - не умеют возвращаться.

И если через много дней опять
Мне придется с ними повстречаться,
Все будет ново – время вспять,
К несчастью, не умеет возвращаться!

Оно скорей, оно быстрее нас.
Час бьет: в дорогу собираться!
О, как я пожалею, и не раз,
Что не умеет время возвращаться.

Рыцарский турнир

Штандарт. Труба. И рыцарский турнир.
Мой конь храпит, копытом землю роет
И глаз косит – задира из задир.
Он сумасшедший, он меня достоин.

Я губы прикусил до боли, до крови:
Огнем горит бедро, в плече – сквозная рана...
Но мой девиз: «Сражайся иль умри!»
И хоронить меня, поверьте, еще рано.

А кто напал в лесу? Коварно, со спины.
И дремлющему ржавый нож вонзился.
С испугом, суки, вы открыли рты,
Когда я все же на турнире появился.

Вы рассчитали все до мелочей
И победитель был заранее назначен.
Но я вас потревожу, сволочей.
Мой каждый долг сполна будет оплачен

Вам плохо доложили кто я есть? –
Напрасно отнеслись так легковесно.
Я объясню ублюдкам слово «честь»,
Но сомневаюсь, что им будет интересно.

Всем подлецам на свете – в горле кость.
Я – рыцарь, я – поэт! Со мной перо и шпага.
Вас душит жаба, вас сжигает злость.
Мое ж оружие – честность и отвага.

Где дама сердца? – Вот он, мой кумир.
Ее платок мою ласкает душу.

Ради нее я вышел на турнир.
Я – зверь! Я – волк! Я никого не трушу.

Да, я устал. По лбу струится пот.
Не сплю подряд уже я третьи сутки.
Но воин я! И в бой труба зовет.
Меня вам не купить – ведь я не проститутка!

Я сжал копье. В глазах – сплошной туман...
Какая сволочь зелья подмешала?
Уверен был – пойдете на обман,
Но чтоб меня свалить, такого будет мало.

Хотели вы подставить? Что ж – вперед!
Еще посмотрим, чья будет победа.
Вот то-то позабавится народ,
Когда я с первою красавицей уеду.

Дыханье сбилось, кружит в голове.
Противник мне достался тоже не тщедушный.
Уклон. Удар. Конец, он на траве.
Я не добыю – я нынче добродушный.

Позвольте даму проводить домой.
Мне не сомкнуть глаз снова до зари.
А завтра – вновь труба и в бой.
Ведь мой девиз: «Сражайся иль умри!»

НОВОАРБАТСКАЯ БАЛЛАДА

Гляжу все чаще я
Средь шума будничного
На уходящее
С чертами будущего.

Мне жалко поезда,
Вспять откатившегося,
Дымка и посвиста
Невоплотившегося.

Ташкентской пылью
Вполне реальной
Арбат накрыло
Мемориальный.
Здесь жили-были,

Вершили подвиги,
Швырнули бомбу
Царизму под ноги.
Смыт перекресток
С домами этими
Взрывной волною
Через полстолетия.
Находят кольца.
А было – здание.
Твои оконца
И опоздания.
Но вот! У зданий
Арбата нового,
Вблизи блистаний
Кольца Садового,
Пройдя сквозь сырость
Древесной оголи,
Остановилась
Карета Гоголя.
Он спрыгнул, пряча
Себя в крылатку,
На ту – Собачью –
Прошел площадку.

Кто сел в карету?
Кто автодверцей
В минуту эту
Ударил с сердцем?
Кто, дав спасибо,
А не мерси,
Расстался с нею –
Уже в такси!

Ведь вот, послушай,
Какое дело,
Волной воздушной
И стих задело.
Где зона слома
И зона сноса,
Застряло слово
Полувопроса.
Полумашина,
Полукарета
Умчала отзвук
Полуответа...

Прощай, любимая!
В твоём обличье
Неуловимое
Есть что-то птичье,
Все улетающее,
Все ускользающее,
Одна слеза еще,
В улыбке тающая.
И все. С обломками
Я за чертою,
С мечтой, с обмолвками,
Со всей тщетою.
Прощай, летящая,
Прическу путающая.
Все уходящее
Уходит в будущее.

МУРАВЕЙ

Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший
Под ношею своею,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:

«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

* * *

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.

* * *

Когда смеются за спиной,
Мне кажется, что надо мной.

Когда дурное говорят
О ком-то ясного яснее,
Потупив угнетенно взгляд,
Я чувствую, что покраснею.

А если тяжкий снег идет
И никому в метель не выйти,
Не прогуляться у ворот,
Мне хочется сказать: простите.

Но я хитрец. Я берегу
Сознание того, что рядом
На москворецком берегу
Есть дом ее с крутым фасадом.

Она, не потупляя взгляд,
Когда метель недвижно ляжет,
Придет ко мне и тихо скажет,
Что я ни в чем не виноват.

* * *

Паровик. Гудок его глухой.
Ночь. Платформа. Думы об одном.

Снег метался, тонкий и сухой,
Железнодорожным полотном.

Извивался в свете фонаря,
Шел в порывах. Дрогнул паровик,
Белый дым, волнуясь и паря,
Снизу вверх окутал мост на миг.

Мост был выгнут через полотно.
Кто-то шел по этому мосту.
Шел незримо в клубах дыма, но
Сбоку луч вонзился в темноту.

И на дым летучий, на ничто
Пала человеческая тень.
Тень людская: кепка и пальто.
Дым качнулся, свет умчался в темь.

Паровик прогрохал под мостом,
Электричка встречная прошла.
И исчезла в воздухе пустом
Тень, что дымом поймана была.

Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текучих... А кругом
Снег метался, тонкий и сухой,
Задыхался и бежал бегом.

Только я запомнил не его.
Свет и дым, и чью-то тень навек.
И не знал об этом ничего
Тот, мостом прошедший человек.

1959

* * *

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто,
Не знает, что с тобой поделать.

1960

* * *

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
Летит морозный пух.
Высокий лунный холод
Захватывает дух.

1960

* * *

Мчатся тучи...
А. Пушкин

«Натали, Наталья, Ната...»
Что такое, господа?
Это, милые, чревато
Волей божьего суда.

Для того ли русский гений
В поле голову сложил,
Чтобы сонм стихотворений
Той же
Надобе служил.

Есть прямое указанье,
Чтоб ее нетленный свет
Защищал стихом и дланью
Божьей милостью поэт.

1965

* * *

Я славы не искал, зачем огласка?
Зачем толпа вокруг одной любви?
Вас назовут, в лицо метнется краска,
Сбежит со щек, и где она — лови.

Он целый мир, казалось, приобрел,
Но потерял товарищей немногих,
Зато нашел ценителей нестрогих,
Их ослеплял незримый ореол.

Когда проходит, глаз с него не сводят,
Его же взгляд для них под стать лучу.
Но просто так, как раньше, не подходят,
Ну хоть бы кто-то хлопнул по плечу.

Уйти бы в лес, оставив пустыки,
Собрать минут рассыпанные звенья
И написать прекрасные стихи
О славе, столь похожей на забвенья.

* * *

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше, с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.

Я все тебе отдал. И тело,
И душу — до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня?

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

1966

* * *

Что сердце! Оно по мне
Не этот комок в обрубках —
А бабушкин дом в весне,
Где притолока в зарубках.
И девушка, как ничья,
Стоящая в отдаленье.
И снег, и его ручья
Мерцательное биенье...

1967

* * *

Попробуй вытянуться,
стать повыше.

Слезами, дождиком
стучать по крыше.
Руками, ветками, виском,
сиренью
касаться здания
с поблекшей тенью.

Попробуй вырасти
такой большою,
чтоб эти улицы обнять душою,
чтоб эти площади и эти рынки
от малой вымокли
твоей слезинки.

Упав локтями на холмы окраин,
будь над путями,
над любым трамваем,
над тополями,
что боятся вздоха.
И не касайся их,
не делай плохо.

Потом подумай
о такой причуде:
все слезы выплавав,
вернуться в люди.
По горькой сырости,
босой душою.
Попробуй вырасти
такой большою —
и в том оплаканном тобою
мире
жить в той же комнате
и в той квартире.

1967

ПЕЙЗАЖ С ДОРОГОЙ

Интеллигентной милой недотрогой
Сидела б дома возле мамы строгой
Задумав свой лесной пейзаж с дорогой.

Он целый год туманился во мне.
И в тишине. И в шуме. И во сне.
Я рассказал — ты тут как тут. С треногой.

Знай, черный ворон каркает в лесу.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.
Поскольку плохо, видимо, воспитан.
Сосну заденет, мглой веков пропитан,
Сосна роняет иглы и росу.

Огромный бор. Он нынче свеж и темен.
Поскольку ливень тоже был огромен,
Как ворон древен и как голубь чист.
А ты, мое любимое созданье,
Уже бежишь, не приходя в сознание,
Когда к тебе осина тянет лист.

Стой, у рябины — ягоды в горсти.
Возьми. Знакомых дома угости.
Черт надоумил взять тебя с собой.
Да. Я влюблен в свою же ученицу.
И даже хоть сейчас готов жениться...
Какой, однако, все же разнобой.

Столбы лучей сияют меж стволами.
Взлетает ворон, каркая над нами
Уже по-иностранному почти.
На «невермор» от злости переходит.
От черных крыл вершины так и ходят.
А ты дрожишь. Тебя волнение сводит.
Я понимаю, бог тебя прости.

Ты говоришь: а где пейзаж с дорогой?
Вот это все и есть пейзаж с дорогой.
А впрочем, там, за выселкой убогой,
Есть электричка... Клумбы. И пути.

Я повторяю: вот пейзаж с дорогой.
Гуляй. Но красок масляных не трогай.
Ширяет черный ворон над треногой
В художническом пристальном лесу.

Он чует запах, душами пропитан.
Не «никогда», а «навсегда» вопит он.

Качнет сосной, поскольку так воспитан,
Сосна уронит иглы и росу.

Еще ты будешь счастлива, я знаю.
Смотри, как тянет просека лесная.
Ее считать дорогою не след.
Вернусь сюда один. На склон пологий.
Под шум вершин. Я не собьюсь с дороги.
Я не скажу тебе, что весь секрет
В том, что дороги не было и нет.
Она пройдет сквозь строй стволов — в итоге.
Просветом. Птицей... Мало ли примет?

1969

* * *

Нет школ никаких. Только совесть,
Да кем-то завещанный дар,
Да жизнь, как любимая повесть,
В которой и холод и жар.

Я думаю, припоминая,
Как школила юность мою
Война и краюшка сырая
В любом всероссийском раю.

Учебников мы не сжигали,
Да и не сожжем никогда,
Ведь стекла у нас вышибали
Не мячики в эти года.

Но знаешь, зеленые даты
Я помню не хуже других.
Черемуха... Май... Аттестаты.
Березы. Нет школ никаких...

1971

* * *

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной... Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени —
Султаны, туманы, дымки.
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во мгле.

1967

* * *

М. Роговской

Ты плачешь в зимней темени,
Что годы жизнь уводят.
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.
Оно так долго мучило
Своим непостоянством,
Что мне с ним жить наскучило,
Как дорожить тиранством.
Я так боялся сызмала
Остаться в жалком прахе.
Я делал все. Но сызнова
Томился в том же страхе:
Бежит, бежит, не поймано,
Не повергаясь в трепет,
Что мне своей рукой оно
Лицо другое лепит.

Ты плачешь в поздней темени,
Что годы жизнь уводят?
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.

Есть в нашей повседневности
Одно благое чувство,
Которое из ревности
Дарует нам искусство, —

Не поддаваться времени,
Его собою полнить
И даже в поздней темени
О том, что будет, помнить.

Не надо плакать, милая,
Ты наших поколений.
Стань домом, словом, силою
Больших преодолений.

Тогда и в зимней темени
Ты скажешь и под старость:
А мне не жалко времени,
Уйдет, а я останусь!

1971

* * *

Упаси меня от серебра
И от золота свыше заслуги.
Я не знал и не знаю добра
Драгоценнее ливня и вьюги.

Им не надо, чтоб я был иной,
Чтоб иначе глядел год от года.
Дай своей промерцать сединой
Посреди золотого народа.

Это страшно — всю жизнь ускользать,
Убегать, уходить от ответа.
Быть единственным — а написать
Совершенно другого поэта.

1973

* * *

Безвестность — это не бесславье.
Безвестен лютик полевой,
Всем золотеющий во здравье,
А иногда за упокой.

Безвестно множество селений
Для ослепительных столиц.
Безвестны кустики сиреней
У непрославленных криниц.

Безвестен врач, в размыве стужи
Идущий за полночь по льду...
А вот бесславье — это хуже.
Оно, как слава. На виду.

* * *

Заручиться любовью немногих,
Отвечать перед ними тайком —
В свете сумерек мягких и строгих
Над белеющим черновиком.

Отказаться, отстать, отлучиться,
Проворонить... И странным путем
То увидеть, чему научиться
Невозможно, — что будет потом.
Лишь на миг. И в смиренную строчку
Неожиданность запечатлеть.
Горьковато–зеленую почку
Между пальцев зимой растереть.

1975